

разделившей господствующий класс Византии¹³³. Но симптоматично то, что втянутые в борьбу «феодалов-иммунистов» со столичной бюрократией и примыкавшей к ней городской торгово-купеческой верхушкой города не выступали в качестве самостоятельной силы, как это имело место в период преодоления феодальной раздробленности в странах Западной Европы. Будучи союзниками центральной власти, города не выступили с ясной собственной программой, отличной от программы «правительственной» партии. Это проявилось в характере социальной борьбы как в Константинополе, так и в Адрианополе, Фессалонике и других городах империи.

Назревание конфликта явственно прослеживается в предшествующие гражданской войне годы. Рост могущества и привилегий крупных феодалов, сокращение доходов казны, ослабление армии сделали реальной для центральной власти опасность превратиться в простое орудие крупных феодалов. Для лиц, связанных с центральной властью, прежде всего — для столичной бюрократии, встала задача уже не усиления, а сохранения сколько-нибудь действенного государственного аппарата. Угроза полной утраты собственного значения, должностей и доходов от них спланивала этих лиц вокруг императорского трона как в столице, так и на местах.

Отсюда судорожные попытки центральной власти укрепить урезанную феодалами материальную базу своего существования. «Византийское правительство, — писал Б. Т. Горянов, — предпринимает целую систему мероприятий для увеличения налогов, в первую очередь перепись всех земель, подлежащих обложению»¹³⁴.

Разумеется, большинство крупных феодалов сумело избежать дополнительного налогового бремени, которое обрушилось всей своей тяжестью на массу независимого от них сельского и городского населения. Источники этого времени сообщают о разорении массы людей, распродававших свое имущество, лишь бы избежать преследований податных сборщиков¹³⁵. Крупнейшие византийские земледельцы (особенно монастыри) воспользовались этим для расширения своих владений. Они широко эксплуатировали труд безземельных крестьян на своих землях, не наделяя их наделами. Разоренные поселяне стекались и в крупные города, где феодалы также приобретали земельные пригородные участки, дома, постоянные дворы, мастерские, перекупая их у горожан, превращавшихся в полуимущих бедняков. Поляризация в имущественном положении достигла весьма высокой степени — Никифор Григора писал, что в каждом городе и в каждой области народ был разделен на две части, богатых и бедных, которые вели между собою борьбу¹³⁶.

Выгодность политической ситуации для центральной власти заключалась в том, что для широких слоев населения деревни и города феодалы в этот период становились главными эксплуататорами, виновными в непрерывно ухудшавшемся положении трудящихся. Повсеместное хозяйничанье крупных магнатов, их беззастенчивое давление на местную администрацию и постепенное подчинение ее своим интересам возбуждали ненависть населения¹³⁷. Хотя государственная администрация также не пользовалась глубокой симпатией широких слоев населения, мы не думаем, как это делает Б. Т. Горянов, следуя за И. Кордатосом, что для них «монархический лозунг был только политической маской для вооруженной борьбы против феодального гнета»¹³⁸. Этот вывод преувеличивает степень разви-

¹³³ М. Я. С ю з ю м о в. Противоречия между плебейскими массами и зилотами, стр. 31.

¹³⁴ Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 348.

¹³⁵ Nicephori Chumnis Θεσσαλονικεῖσι συμβουλευτικὸς περὶ δικαιοσύνης. — A. Boissonade. Anecdota graeca, II, p. 153.

¹³⁶ Nic. Greg., XII, 2, p. 613.

¹³⁷ Santa c., II, p. 177: «Народ был озлоблен против аристократов, которые грабили и угнетали его еще в мирные времена».

¹³⁸ Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм, стр. 345.